

Список литературы

1. Волости и важнейшие селения Европейской России. По данным обследования, произведенного статистическими учреждениями Министерства внутренних дел, по поручению Статистического совета. Вып. 6. Губернии приуральской группы и крайнего Севера. СПб., 1885.
2. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. М., 2001.
3. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 208. Оп. 1.
4. Земские подворные переписи 1880—1913 гг.: поуездные итоги / Сост. Н.А. Свавицкий, З.М. Свавицкая. М., 1926.
5. Корнилов Г.Е. Аграрный переход в России в XX веке // Крестьянство в российских трансформациях: исторический опыт и современность. Ижевск, 2010. С. 15—19.
6. Краткая подворная перепись Екатеринбургского уезда Пермской губернии 1912 г. Пермь, 1912.
7. Материалы к оценке земель Пермской губернии. Т. 4. Вып. 2. Екатеринбургский уезд. Свод экономических данных подворной переписи. Пермь, 1902.
8. Мерхалев Д.Н. Демографические показатели в крестьянской семье // Сборник статей по статистике Урала. Вып. 1. Свердловск, 1927. С. 180—195.
9. Оханский уезд Пермской губернии по данным подворной переписи 1913 г. Пермь, 1915.
10. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. 31. Пермская губерния. СПб., 1904.
11. Побережников И.В. Методологические проблемы исторического исследования: природа исторической реальности и масштаб рассмотрения // Ирбитский край в истории России. Екатеринбург, 2000. С. 7—25.
12. Сборник статистических сведений по Екатеринбургскому уезду Пермской губернии. Отдел хозяйственной статистики. Екатеринбург, 1891.
13. Статистика землевладения 1905 г. Вып. 40. Пермская губерния. СПб., 1906.
14. Традиционная культура русского крестьянства Урала XVIII—XIX вв. Екатеринбург, 1996.

Михалев Н.А.

*Население Ямала в начале XX в. **

В начале XX в. большая часть современной территории Ямала (Ямало-Ненецкого автономного округа) входила в состав северных волостей Березовского уезда Тобольской губернии. Как и на протяжении всей последующей истории региона, своеобразие его экономико-географического положения предопределило особенности формирования и развития его населения в первое десятилетие XX в.

Согласно первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., на этой обширной территории к началу XX в. проживало немногим более 10 тыс. чел. Этноструктура населения характеризовалась преобладанием в ней представителей коренных этносов (т.е. хантов и ненцев) с меньшей долей пришлых жителей (т.е. русских и коми). Как показывает табл. 1, совокупный удельный вес первых составлял 79% (или 41,2 и 37,8% со-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФНФ № 10-01-00254а

ответственно). На втором месте по численности находились коми-зыряне, доля которых равнялась 13,9%, а русские составляли только 5,7%. При этом абсолютное большинство русских и ведущих оседлый образ жизни коми было сконцентрировано в трех крупнейших населенных пунктах региона – Обдорске, Мужах и Кушевате – имевших в рассматриваемый период статус сельских поселений.

Таблица 1

Численность и этнический состав населения Ямала по переписи 1897 г.*

Волесть, год	Русские		Коми		Ханты		Ненцы		Прочие		Всего	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Куноватская 1897 г.	132	1,3	828	8,3	1684	16,8	72	0,7	108	1,1	2824	28,2
1907 г.	150	1,1	757	5,5	2095	15,3	–	–	–	–	3002	21,9
Обдорская 1897 г.	436	4,4	561	5,6	2444	24,4	3706	37,0	34	0,3	7181	71,8
1907 г.	1282	9,3	1010	7,4	3686	26,9	4715	34,4	10	0,1	10 703	78,1
Итого 1897 г.	568	5,7	1389	13,9	4128	41,2	3778	37,8	142	1,4	10 005	100
1907 г.	1432	10,4	1767	12,9	5781	42,2	4715	34,4	10	0,1	13 705	100

*Составлено и подсчитано по: Патканов С.К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Т. 2. Тобольская, Томская и Енисейская губ. // Записки Императорского Русского Географического Общества по отделению статистики. 1911. Т. XI. Вып. 2. С. 26, 27, 32–34, 36–38; Государственный архив в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 1. Д. 587. Л. 9, об.-10.

Материалы переписи 1897 г. являются по существу единственным источником сведений о численности и составе населения Ямальского севера в этот период. В фонде Тобольского губернского статистического комитета, для учета движения населения ежегодно получавшего от уездных исправников разнообразную информацию, такого рода данных не сохранилось. Исключение составляет лишь «Ведомость о племенном составе населения Березовского уезда Тобольской губернии за 1907 г.», послужившая источником данных за 1907 г. Из табл. 1 видно, что за 10 истекших с момента переписи лет население региона увеличилось на 3700 чел. (с 10 005 до 13 705 чел.). Коэффициент роста за 1897–1907 гг. составил, следовательно, 137%, коэффициент прироста – 37%, величина же среднегодового непрерывного коэффициента прироста равнялась 3,15%. Что касается отдельных этнических групп, то в их соотношении не произошло существенных изменений. Фактически прежним остался удельный вес хантов (42,2%) и зырян (12,9%). Несколько уменьшилась доля ненцев (до 34,4%), хотя абсолютная численность их возросла с 3778 до 4715 чел. А вот численность и доля русских увеличилась почти вдвое, составив 10,4%, что было обусловлено усилением миграционных процессов в связи с развитием рыбной промышленности региона и притоком сюда рабочих из более южных уездов Тобольской губернии [4, с. 5].

Наибольшие относительные показатели динамики численности среди коренного населения за этот период демонстрировали ханты – коэффициент прироста составил у них 40%, а среднегодовой непрерывный коэффициент прироста – 3,38%, для ненцев эти коэффициенты составили 24,8 и 2,22% соответственно. В то же время, работая с показателями динамики численности коренного населения Ямала в первой половине XX в., следует учитывать, что во многих случаях их значения не столько отражали реальную демографическую ситуацию, сколько являлись результатом совершенствования системы статистического наблюдения за представителями соответствующих этнических групп (в большинстве своем ведшими кочевой образ жизни) в частности и всем населением региона в целом. Так, перепись 1897 г. не отразила в полной мере численного состава лесных ненцев. Более того, как установил И.И. Крупник, переписью не были полностью учтены ненецкие роды, обитавшие в самой северной и центральной части Ямала, чем и объяснялся неожиданный «взрыв» их численности по Приполярной переписи 1926–27 гг. В свою очередь, Приполярная перепись 1926–27 гг. недоучла определенную часть ненецкого населения, относившегося к группе так называемых низовых самоедов, что было связано с мощным оттоком в тот момент представителей данной группы на восток, в долину Енисея и далее на заенисейскую сторону, в земли энцев [2, с. 30–35; 5, с. 128, 133, 139–141].

Переходя к рассмотрению особенностей процессов воспроизводства населения региона, необходимо соотнести его этнический и конфессиональный состав, так как существовавшая до революции 1917 г. система регистрации демографических событий, как известно, разделяла население на две основные категории – «православные» и «идолопоклонники». Учет первой категории велся в соответствующих православных приходах. На территории Куноватской и Обдорской волостей в рассматриваемый период располагалось четыре православных прихода: Кушеватский, Мужевской, Обдорский Петро-Павловский и Обдорский миссионерский. В их пределах под категорию «православных» прежде всего подпадали русские и коми. «По своему экономическому положению и быту, – писал В.В. Бартнев, – русские и зыряне до известной степени сливаются в одну общую массу. Русификация зырян и смешанные браки все более и более содействуют этому слиянию» [1, с. 145]. Кроме того, сюда также относилась и определенная доля абorigенного населения. Как показывает обращение к «Ведомостям» соответствующих церквей, большая часть проживавших в более южной Куноватской волости хантов, которые вели оседлый и полуседлый образ жизни, к началу XX в. уже фиксировались как прихожане православных церквей [6, с. 59–60].

По Обдорской волости, основное население которой составляли ханты и ненцы, ведшие кочевой образ жизни, таких данных привести нельзя. Тем не менее, несмотря на деятельность Обдорской миссии, удельный вес жителей тундры, обращенных в православие, был все же относительно невелик и, следовательно, именно ненцы, наряду с частью обдорско-куноватских хантов, попадали в категорию «идолопоклонников», учет которой находился в ведении Инородных управ. Поскольку документы последних сохранились очень фрагментарно, предметом дальнейшего рассмотрения станут лишь процессы среди той части населения края, что относилась к первой категории – «православные». Источники позволяют сделать это применительно к периоду 1908–1914 гг.

Общее представление о любом демографическом явлении дают абсолютные показатели, которые, однако, отличаются низкой информативностью в связи с тем, что зависят от абсолютной численности населения. При этом перейти к относительным показателям проблематично, их расчет затруднен отсутствием соответствующих данных о численности населения. Приведенные в табл. 2 общие коэффициенты рождаемости и смертности рассчитаны на материалах трех (Кушеватского, Мужевского, Обдорского Петро-Павловского) из четырех интересующих приходов. Причем при их расчете численность населения за 1909–1914 гг. была вычислена на основе уравнения демографического баланса, в котором сальдо миграции условно приравнено нулю. А поскольку следующий из этого вывод о том, что население указанных приходов носило статус закрытого, не является корректным, то и полученные таким образом общие коэффициенты носят приближенный, вероятностный характер. Тем не менее из-за отсутствия иных сведений это допущение является вынужденным.

Таблица 2

Динамика показателей естественного движения населения в приходах Куноватской и Обдорской волостей, 1908–1914 гг.*

Год	Рождае-	Смертность,‰ ¹		Естественный прирост, чел. ²	Индекс жизненности ²
		Общая	Младенческая ³		
1908	62,6	35,2	–	178	2,03
1909	65,5	43,2	163,5	175	1,88
1910	60,6	45,9	197,6	145	1,68
1911	63,9	38,9	173,2	236	2,3
1912	62	35,5	146,2	253	2,45
1913	52,1	44,9	185,4	154	1,72
1914	58,5	38,7	158,6	180	1,98

1. Рассчитано на материале трех православных приходов Ямальского севера – Кушеватского, Мужевского (Куноватская волость) и Обдорского Петро-Павловского (Обдорская волость).

2. Рассчитано на материале четырех православных приходов Ямальского севера – Кушеватского, Мужевского (Куноватская волость), Обдорского Петро-Павловского и Обдорского Миссионерского (Обдорская волость).

3. Коэффициент младенческой смертности рассчитан по формуле Ратса.

*Составлено по: Михалев Н.А. Население Ямала в первой половине XX века (Историко-демографический анализ). Екатеринбург, 2010. С. 62–67.

Из табл. 2 видно, что уровень рождаемости на протяжении всех семи лет в двух волостях Ямальского севера продолжал оставаться стабильно высоким. Обращает на себя внимание и то, что диапазон вариаций коэффициента рождаемости был достаточно ощутимым: его вариационный размах составил 13,4%, а среднее квадратичное отклонение – 4,1%. Причем такие колебания общего уровня рождаемости существенно отнюдь не уменьшали и говорить о формировании выраженной тенденции ее снижения не позволяют. Хотя если сравнивать начальную и конечную точку отсчета (т.е. 1908 и 1914

гг.), то уровень рождаемости по двум волостям все же несколько понизился с 62,6 до 58,5‰, что по-прежнему, однако, соответствовало ее высокому уровню. Сходная картина наблюдается и при анализе динамики коэффициентов смертности. Представленные данные демонстрируют, что в течение рассматриваемого периода значения коэффициентов смертности оставались на довольно высоком уровне, не обнаруживая при этом явной тенденции к своему уменьшению. Более того, при сравнении уровня летальности в 1908 и 1914 гг. оказывается, что последний даже несколько увеличился с 35,2 до 38,7‰. Также нужно отметить, что подобно коэффициентам рождаемости коэффициенты смертности отличались высокой вариативностью (их вариационный размах оказывается равным 10,7‰). Особое место в общей структуре летальности всегда занимает младенческая смертность, то есть смертность детей в возрасте до года, оказывающая немалое влияние на формирование общих ее закономерностей. Как показывает табл. 2, уровень младенческой смертности во всех приходах в течение всего рассматриваемого периода оставался чрезвычайно высоким, в среднем по двум волостям равняясь 170,6‰. Демонстрируя подобно общим коэффициентам склонность к заметным колебаниям, он продолжал сохранять свои значения на весьма высоком уровне, не позволяющем говорить о складывании какой-либо тенденции к уменьшению интенсивности младенческой смертности.

Имеющиеся источники позволяют провести структурный анализ процессов смертности, определив средний возраст умерших. Рассчитанный как средний арифметический, медианный и модальный возрасты смерти, он показывает, что полученные не совсем корректным путем общие коэффициенты летальности вполне отражали реальную действительность, позволяя, кроме того, выделить половозрастную характеристику процессов смертности (табл. 3). Так, средний возраст смерти, составляя в целом 22,3 года, у мужчин превышал таковой у женщин (24,8 лет против 19,1 года) Медианный возраст жизни умерших, то есть возраст до и после которого умирает половина людей изучаемой, совокупности, для всего населения равнялся 3,9 лет, также обнаруживая при этом в данном случае более существенные – до 50% – различия между средним уровнем для мужчин и женщин (8,5 против 3,5 лет соответственно). Тем не менее модальный возраст смерти, то есть возраст, в котором число умерших достигает своего максимального значения, не демонстрировал таких различий, имея и для мужчин, и для женщин одинаковое значение (2,1 года).

Таблица 3

**Средние уровни возраста умерших среди православного населения
Куноватской и Обдорской волостей, 1908–1914 гг.***

Население	Средний возраст умерших		
	X _{сред.}	X _{мед.}	X _{мод.}
Всего	22,3	3,9	2,1
Мужчины	24,8	8,5	2,1
Женщины	19,1	3,5	2,1

*Составлено по: Михалев Н.А. Население Ямала в первой половине XX века (Историко-демографический анализ). Екатеринбург, 2010. С. 70.

Одним из итоговых показателей протекания демографических процессов является уровень естественного прироста населения. Несмотря на чрезвычайно высокий уровень как младенческой, так и общей смертности, таковой успешно компенсировался еще более высокой рождаемостью. Это обстоятельство обуславливало и положительные значения показателей естественного прироста, стабильно сохранявшиеся на протяжении всего отрезка 1908–1914 гг. и в среднем за семь лет составившего 188,7 чел. в год (табл. 2). Положительное значение естественного прироста предопределяло и соответствующие значения индекса жизненности (индекс Покровского–Пирла). Этот коэффициент, дополняющий коэффициент естественного прироста, рассчитан за неимением точных данных о численности населения в указанные годы проблематично, показывает число родившихся, приходящихся на одного умершего, и используется как оценка замены уходящих поколений новыми. При положительном естественном приросте индекс больше единицы, при отрицательном – меньше. В условиях преобладания рождаемости над смертностью показатель жизненности православного населения Ямальского севера на протяжении всего семилетнего отрезка всегда превышал единицу, в среднем равнялся 2.

От традиционных форм демографического поведения Россия отходила на протяжении всего XX в. Однако ранние этапы демографического перехода в России исследователи относят уже к концу XIX в. Применительно к дореволюционной истории Сибири опыт использования теории демографического перехода только начинает накапливаться. Появляющиеся работы, основанные на данной теории, фиксируют, что, по крайней мере, в сибирских городах период конца XIX – начала XX в. также являлся начальным этапом демографического перехода [3; 7]. Что же касается Ямальского севера, то, как показывает проведенный анализ, формирования тенденций, свидетельствовавших об изменении типа воспроизводства населения в начале XX в. здесь еще не наблюдалось. Абсолютные и относительные показатели рождаемости и смертности среди православного населения региона продолжали оставаться чрезвычайно высокими. Демонстрируя тенденцию к достаточно заметной вариации, они, тем не менее, своего высокого уровня, характерного для традиционного типа воспроизводства, не снижали, что наглядно иллюстрировали особенности процессов смертности, трансформация которых, как известно, является «пусковым механизмом» демографического перехода.

Список литературы

1. Бартенев В.В. На крайнем Северо-Западе Сибири. Очерки Обдорского края // *Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века / Сост. Рощевская Л.П., Белобородов В.К. Екатеринбург, 1998.*
2. Волжанина Е.А. Демографические процессы в среде тундровых и лесных ненцев Ямальского Севера в конце 1920-х–19300х гг. // *Науч. вестн. Ямало-Ненецкого автономного округа. 2008. Вып. 5(57).*
3. Гончаров Ю.М. *Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2002.*
4. Дунин-Горкавич А.А. *Вопросы экономики и статистики рыбного промысла в Тобольской губернии // Дунин-Горкавич А.А. Доклады по вопросам рыболовства в Тобольской губернии. Тобольск, 1910.*

5. Крупник И.И. Люди в чумах, цифры на бумаге. Русские источники к демографической истории Ямала, 1695–1992 г. // Древности Ямала. Вып. 1. Екатеринбург; Салехард, 2000.

6. Михалева Н.А. Население Ямала в первой половине XX века (Историко-демографический анализ). Екатеринбург, 2010.

7. Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Часть I. Население. Экономика. Барнаул, 2003.

Манкевич М.К.

Голод – социальное бедствие: теоретические подходы к историческому исследованию

Вся история человечества на протяжении веков была историей «борьбы за хлеб насущный». В истории России наблюдался длинный ряд голодных лет. С начала XI в. до конца XVI в. на каждое столетие приходилось по 8 неурожаяев, повторялись они через каждые 13 лет, вызывая голод, который, в свою очередь, приводил к жертвам среди населения. Особенно жесткими неурожаяи и голод были в 1024, 1070, 1092, 1128, 1215, 1230–1231, 1279, 1309, 1332, 1422, 1442, 1512, 1553, 1557 и 1570 гг. Причинами неурожаяев, как и в новейшее время, становились засуха, избыток дождей, ранние морозы, саранча и т.д. Страшный голод поразил страну в начале XVII столетия при Борисе Годунове в 1601 и 1602 гг. Вновь голод разразился в 1608, 1630, 1636 и 1650 гг. Число неурожаяев и голодовок в течение XVII–XIX вв. увеличивается. В XVIII в. было 34 неурожая, только в первой половине XIX века было 35 неурожаяев. В 1842 г. правительству сообщалось, что неурожаяи повторялись каждые 5–7 лет, продолжаясь по два года. За вторую половину XIX в. особо сильным был порожденный неурожаями голод в 1873, 1880 и 1883 гг. В 1891–1892 гг. голодом были поражены 16 губерний Европейской России (и Тобольская губерния) с населением в 35 млн человек. Серия крупных голодовок прошла в России в начале XX в. (1901, 1906–1907, 1911 гг.). В Советской России, СССР массовый голод наблюдался в 1921–1922 гг. и после Великой Отечественной войны.

Тема голода долгое время не рассматривалась и не обсуждалась в литературе, поскольку она затрагивала проблемы социального и политического характера, таким образом и оставаясь одним из табу нашей цивилизации. Это была ахиллесова пята, в высшей степени уязвимая – тема, которую небезопасно было обсуждать публично. Подобно некоторым вопросам сексуального поведения, голод считался чем-то постыдным, непристойным, нечистым. Вопросы о голоде не касались, тема стала, в сущности, запретной.

В древности Будда изрек, что «голод и любовь – это семя всей человеческой истории», и много лет спустя Шиллер заметил, что «любовь и голод правят миром» [6, с. 5]. Тем не менее о голоде в мировой литературе написано достаточно немного. Несоответствие между важностью вопроса и отношением к нему особенно бросается в глаза, когда мы сравниваем голод с другими бедствиями, не раз опустошавшими мир, например войнами